

Живет в Москве (Россия). Визитная карточка участника.

Не картавь...

Прислушайся, какая тишина
звнящая, и лишь твое дыхание
рождает звуки и полутона.
Как хочется лепешек и вина
и одинокой скрипки трепыханья
в руках, забывших, как её ласкать.

И безнадежно закартавит муза:
Прими жиды, охранник, за француза.
Его печали – не моя тоска.

Вдруг зачирикал глупый воробей
и - будто спали - пробудились гнусы.
Поймать бы пару сизых голубей.
Они нежней, сытнее и жирней.
Детишки тоже были толстопузы,
но перемёрли.
Здесь они обуза.

Жизнь тут строга, обрядна, и честна
в сравненьи с довоенной круговертью.

В концлагерь глупо ворвалась весна.
Так надышись плутовкой допьяна
и помечтай о быстрой, легкой смерти.

Meine liebe Frau

И лезла сирень сквозь оконные створки,
пока пузырилась в тазу гимнастерка,
пилотка и гетры оттенков фельдграу,
и Ганс под подолом ласкал «liebe Frau»,
а Фрау Маруся, еще молодая,
белье полоскала, ему угождая.
Бывало, девчушкам носил он конфетки,
наверно, тоскуя по маленькой Гретхен.
Да что там. Не первый он был на постое,
но всех вспоминать - это дело пустое.
Тогда она знала одно - нужно выжить,
а время из памяти лишнее выжжет.
Теперь столоваться черёд капитана,
И видом казистый, и склонен к роману.
Она крутобёдра, стройна, большерота,
а в окнах сирень сорок пятого года.
Весна расслабляет, пьянит и кружит...
- Ты с немцем жила?
- На войне разве жисть.
- Ну, значит, не ввали. А муж как вернется?
Зачтется, дуреха, тебе, ох зачтется.
- Так мужа убили. Еще в сорок третьем.
- А детки - его?
- Да, советские дети.

- Но разве так можно... пока мы там гибли.
- А кто в 41-м тут драпал, не вы ли?
- Да я ж тебя! Драпали. Было...давай-ка,
и мы про войну позабудем, хозяйка.
(Ну, пользуй, ты - наш. Воевал. Значит – можешь.
И дочки сегодня вернутся попозже).
А если уж страсть, если вещи по полу,
то свой ли, не свой - лишь бы был понежнее.
Наладится жизнь. Ремонтируют школу
и сахар давали вчера в бакалее.

Рыжие ботинки

Я вдруг представил, сидя на привале,
что вырос возле мюнхенских пивных.
И вот меня обрили и призвали
строчить по нашим с ихней стороны.
Ну, то есть те теперь как будто - наши,
а наши, значит, злейшие враги,
И Фритцем звали моего папашу,
и у меня немецкие мозги.
Фельдфебель выдал рыжие ботинки,
и сам он рыж, как прусский таракан,
и здоровущий, прямо как с картинки
(сержант наш, впрочем, тоже великан).
И мы воюем при любой погоде.
Под Прагой? Под Берлином? Под Москвой?
Уже не помню, только будто вроде
сражаюсь я с дивизией родной
от взвода своего неподалёку.
С боекомплектom полный нормалёк.
И я скосил из шмайссера Серегу
как тоненький зеленый стебелёк.
Ну что ж, один убит, по крайней мере.
А не вставайте на моем пути!
Но понимаю - его маме Вере
я похоронку должен принести.
А вот и сам в себя затем стреляю,
и кто кого убил – я не пойму,
и никого уже не разделяю.
Ах, разобраться б в этом самому ...
Года пройдут-проглотятся, как слёзы,
и я, старик, в последний выходной
уже с утра не сильно и тверёзый,
опохмеляясь на углу в пивной

и собирая память по крупинке
(вокруг берлинцы или москвичи?),
вдруг вспомню эти рыжие ботинки.
Да нет, на мне же были кирзачи.

